
И. И. Панаев

Заметки Нового Поэта о русской журналистике. Май 1851. «Расстегая» (Драматический и психологический этюд)

Художественность! Искренность таланта! Вот условие, без которого никакое произведение не может быть прочно, не может составлять приобретения в литературе... Перечитывая на днях «Москвитянин», я вполне убедился в этом и сознал, что молодая редакция этого журнала точно провозглашает истины высокие и *новые*. Я каюсь и беру назад опрометчивые слова свои в V № «Современника», касающиеся этой редакции... Художественность! Искренность таланта! Я теперь ежеминутно *шевелю эти слова* в устах моих, как один герой стихотворения г. Шевырева некогда

Авеля имя в устах шевелил.

Художественность и искренность повсюду преследуют меня, где бы я ни был: на Невском ли проспекте, у Дюссо, в Летнем саду, или даже на Минеральных водах у г. Излера, где поют цыганы и братья Мальчугины, из коих одна сестра, где декламирует малороссийские песни г. Карпенко, пляшут на канатах акробаты, где есть между прочим чревоушатель, бенгальские огни и два хора музыки. Я не хочу писать повестей, романов, драм, стихотворений — хороших, занимательных, забавных, поучительных и проч. Нет! я решился *творить* теперь художественные произведения, в которых бы обнаруживалась искренность таланта, *то есть* эта чистота представлений и воспроизведения жизни во всей ее непосредственной простоте, жизни, не балованной, так сказать, частыми и ослабляющими художественную способность рассуждениями и сомнениями, ни вмешательством личности и чисто личных ощущений, — произведения, в которых характеры были бы типичны, оригинальны и целесообразны, — произведения, в основании которых лежали бы непременно глубокие мысли, и чтобы эти мысли зачинались в голове моей не в отвлеченной форме, а в живых образах и домысливались только особенным художественным процессом до более типического представления, и проч. и проч. Вот какие произведения я хочу творить!

И для того, чтобы творить такие произведения, я принялся с любовью и терпением изучать драматические этюды: «Неожиданный случай», «Утро молодого человека», отрывок из «Бедной невесты». В этих-то художественных произведениях, в основании которых лежат глубокие мысли, и в которых проявляется во всей глубине и широте искренность таланта, — в этих-то целесообразных произведениях, до понимания которых, к сожалению, еще не достиг критик «Современника»¹, я черпал мои вдохновения. «Неожиданный случай», «Утро молодого человека», «Бедная невеста» — вот моя школа в искусстве! Эти произведения отвяли от очей моих туман беллетристики, застилавшей их, указали мне светлый и широкий путь художественности

¹ См. «Современник» № V. Разбор «Кометы», критика, стр. 10 и 11 и т. д. (примеч. Панаева).

и искренности, и я смело и бодро пошел теперь по этому пути, прямо к лучезарному храму славы, где ожидают меня лавры и бессмертие! С грустью и сожалением смотрю я с тех пор на бедных беллетристов, которые бесцельно бродят по окольным дорогам, добиваясь минутной, временной известности, и на журнальных критиков, не уразумевших еще, что такое художественность и *искренность таланта*...

Теперь для меня художественность и искренность то же, что для Шекспирова Валентина² была Сильвия. Без художественности и искренности — мне радость не в радость; если я не напишу в продолжение дня художественного произведения — мне и день не в день, а ночью — нет музыки и в пении соловья. Художественность питает, согревает, оживляет меня дивным влиянием своим. Месяц назад тому я ходил еще во мраке, я был слепцом, я не понимал, что такое художественность и искренность, а теперь, благодаря «Москвитянину» и «Неожиданному случаю», я озарен их ослепительным светом...

Сознав в себе искренность таланта и вступив на широкий путь художественности, я каждый день творю по одному художественному произведению. Сколько художественных произведений заготовлено у меня для издателей альманахов и сборников на 1852 год! Вот даже сегодня утром я написал художественное произведение, под заглавием:

РАССТЕГАИ

(драматический и психологический этюд)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Илья Ильич Лиловы й, помещик 35 лет.

Гаврила Афанасьич Пюсовы й, его друг, 37 лет.

Половой.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

В квартире Лилового.

Лиловый лежит на кушетке и курит папироску. На столе стоят часы. Стрелка показывает половину первого.

I.

Л и л о в ы й (*один*). Экая дрянь этот желудок! просто-таки дрянь, никуда не годится! Однако это просто глупо иметь такой желудок. Чуть что-нибудь съешь излишнее, хоть и деликатное, а тут сейчас боль под ложечкой, горечь во рту, язык ужасный (*берет со стола маленькое зеркальце и смотрит язык*). Совсем белый язык! Ну на что похоже, что я не могу воздержаться себя, не могу видеть равнодушно этакое какого-нибудь медвежьего окорока, или бараньего бока с кашей, или поросенка со сметаной: как только увижу что-нибудь в этом роде, так и теряю рассудок и всякое соображение. Ну зачем это я так объелся вчера этого негодного малороссийского сала? Сначала я, правда, и воздерживался, закусил только икорки, — а там и пошел, и пошел! И какое наслаждение есть свиное сало? Положим, что и другие едят свиное сало, да у других-то желудок хорош: их желудок переваривает свиное сало... Да и Гаврюша хорош! ему бы поудержать меня, просто не давать мне есть: так вот бы у меня и желудок сегодня был в исправности... Ах, я дурак, дурак!

² «Два веронца» (примеч. Панаева).

Впрочем, несмотря на то, что у меня язык-то такой... *(снова высовывает язык и смотрит в зеркало)* а ведь все-таки аппетит хоть небольшой, а есть... я с удовольствием бы съел расстегайчик с севрюжкой, право, с удовольствием бы. Уж я не знаю, говорить ли мне об этом Гаврюше... я еще вчера с вечера разболтал, что у меня желудок испорчен... вот он и взбесится и, пожалуй, разругает еще! скажет: «как можно есть расстегай, когда желудок испорчен!»... непременно скажет. Уж я знаю. А все надо с ним посоветоваться; только я думаю намекнуть слегка, что у меня желудок сегодня в порядке... А ну как он язык вздумает посмотреть?...

II.

П ю с о в ы й *(входит)*. Здравствуй, Ильюша!

Л и л о в ы й. А, Гаврюша!

П ю с о в ы й. Ну что, братец, твой желудок?

Л и л о в ы й. Ничего, ничего, сегодня хорошо, гораздо лучше, я почти ничего не чувствую.

П ю с о в ы й. Знаю я, братец, тебя. Ты все от меня скрываешь, никогда правды не скажешь. То-то вот и есть, это дурно, а я уверен, что у тебя желудок сегодня в отчаянном состоянии. Ты вчера так ел это малороссийское сало, что у меня даже дыбом волос становился; я несколько раз покушался тебя остановить, да нет, думаю, что! бесполезно... Коли сам себя не хочет беречь, так не убережешь его. А мне, Ильюша, это было больно, потому что твой желудок дороже мне своего собственного, — право, дороже, так-таки просто дороже.

Л и л о в ы й. Что такое? Если и порасстроил немного, ты не беспокойся об этом: это пустяки.

П ю с о в ы й. Какие же пустяки! что за пустяки!.. Право, ты хоть кого выведешь из терпения. Человек у тебя с участием спрашивает, заботится о тебе, а ты все свое несешь: «пустяки».

Л и л о в ы й. Да клянусь честью, Гаврюша, ничего. Не тревожься. Я чувствую, что ты меня любишь; я тебе братец, очень благодарен за это. У меня даже и аппетит сегодня есть *(робко)*... Вот я с удовольствием бы съел маленький *(запинаясь)* расстегайчик.

П ю с о в ы й. Расстегайчик!? Вишь что выдумал! Да в своем ли ты уме, Ильюша? Это, братец, глупо!.. Ах, как глупо! ужас как глупо! Что ты убить себя хочешь, без ножа резать? Тебе-то это нипочем, а я-то, Ильюша? Ты обо мне-то и не думаешь. Тебе все равно, существую я или нет. А вот я брошу тебя совсем, совсем. Живи себе как хочешь.

Л и л о в ы й. Ну, полно, голубчик, не сердись, сделай милость. Что ты это сам-то говоришь! Бросишь меня! да что же это я буду без тебя? Да как же можно говорить этакие вещи? Бога ты не боишься, Гаврюша!

П ю с о в ы й. Да как же на тебя не сердиться, когда ты такую дичь городишь! Уж ты попадешься когда-нибудь, вспомяни меня. Желудок, братец, первая вещь в человеке: от желудка, братец ты мой, все зависит; без желудка человек — тряпка, так, просто тьфу! *(Плюет)*

Л и л о в ы й. Все это правда, я со всем с этим совершенно согласен; но для того, чтобы воздерживаться, надобно иметь характер, сильный характер. А у меня — ты знаешь — что у меня за характер! Я просто не знаю, что мне делать с собой. Уеду в деревню и умру там, — право, умру.

П ю с о в ы й. Ну, полно, полно, Ильюша!

Л и л о в ы й. Непременно уеду.

П ю с о в ы й. Что вздор-то говорить!

Л и л о в ы й. Вот увидишь, что уеду.

П ю с о в ы й. Да зачем?

Л и л о в ы й. От характера.

П ю с о в ы й. Эх, эх, эх, Ильюша! Цены ты себе не знаешь: да у тебя сердце редкое; такого сердца я не встречал.

Л и л о в ы й. Да что сердце! А желудок-то?.. Я знаю, что ты меня любишь, очень знаю; знаю, что без меня тебе будет скучно; да как же пособить этому? (*Задумывается.*)

П ю с о в ы й. Перестань хандрить. Ничего. Только береги себя: не объедайся. Человек — существо разумное, человек должен управлять своими страстями, человеку подчиняется всякая тварь; человек должен гордиться тем, что он человек. Читал ли ты стихотворения Щербины?

Л и л о в ы й (*с грустью*). Читал.

П ю с о в ы й. Заметил ли ты, как поэт гордится тем, что он человек. Он почти в каждом своем стихотворении выражает эту гордость, говорит, что и муки, и страданье, и все перенесет без ропота, потому что он человек, потому что он в себе малый мир вмещает... Вот, братец, что такое человек, следовательно...

Л и л о в ы й (*заливается слезами*). Нет, нет, я решительно уеду в деревню. Какой я человек?

П ю с о в ы й. И оставишь меня, так-таки просто и оставишь без внимания!?! Ильюша, Ильюша!

Л и л о в ы й (*бросается к Плюсовому на грудь*). Гаврюша, Нет... нет... с тобой мне расстаться ужасно; но что же мне делать? (*Плачет.*)

П ю с о в ы й (*прижимая его к сердцу*). Успокойся, Ильюша, успокойся. Ты слаб; но покуда я жив, я не допущу тебя до падения.

Л и л о в ы й (*в сторону*). О боже мой! аппетит-то как разыгрывается, как страшно разыгрывается. Хоть бы только один, один расстегайчик! (*Вдруг с решительностью обращается к Плюсовому.*) Послушай, Гаврюша, ты мой друг, мой истинный друг. Не правда ли?

П ю с о в ы й. Можешь ли ты сомневаться в этом?

Л и л о в ы й. Исполни же мою просьбу, мою последнюю просьбу; я прошу тебя, дай мне слово исполнить эту просьбу... именем нашей дружбы. Я умоляю тебя...

П ю с о в ы й (*значительно*). Ты знаешь, что я готов за тебя и в огонь и в воду, за тебя я готов терпеть все муки, переносить все лишения; говори, говори... чего ты от меня требуешь?

Л и л о в ы й. Дай мне слово, что ты исполнишь мою просьбу, мою последнюю просьбу...

П ю с о в ы й. Говори, говори

Л и л о в ы й. Ты согласен, не правда ли, согласен, Гаврюша? Ты исполнишь мою просьбу? (*Плюсовый, молча, крепко и значительно пожимает ему руку. Он видимо растроган.*) Голубчик, Гаврюша (*ластится к нему*), пойдем завтракать в Троицкий трактир... Я только съем один расстегайчик, только один, больше одного ни за что; вот хоть ты сам заставляй меня съесть больше, не съем... ни за что не съем... да и помилуй, разве я враг себе, чтобы этак как-нибудь наесться, обременить желудок.

П ю с о в ы й (*задумывается и после нескольких минут молчания*). Покажи язык. (*Лиловый, с робостью, высовывает язык.*) У! как дурен... просто никуда не годный язык, совсем белый.

Л и л о в ы й. Да это от папиросок, — право, от папиросок. Я вот все утро курил эти проклятые папироски... Ведь только один, я тебе сказал, что один, больше одного я не съем, я тебе дал слово... неужто я захочу тебя обмануть?

(*Лицо Плюсового выражает борьбу с самим собой и нерешительность.*)

Л и л о в ы й. Что же? согласен?.. скажи... согласен?

П ю с о в ы й. Я знаю, что я думаю дурно, но так и быть... из любви к тебе... О, я тоже слаб, слаб только в отношении к тебе... Я не могу тебе ни в чем отказать, и, зная это, ты пользуешься моей слабостью. Это нехорошо!.. Так и быть: идем!

Л и л о в ы й (снова бросается в объятия к Пюсовому). Друг мой, друг мой!.. Благодарю тебя...

(Схватывает шляпу и бежит к дверям.)

П ю с о в ы й (останавливая его). Но только один!

Л и л о в ы й. Один, один, ни за что больше...

П ю с о в ы й. То-то же, смотри!

Л и л о в ы й (кричит). Один, один! (Они уходят.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Трактир.

Л и л о в ы й с П ю с о в ы м (входят в трактир).

(Половой им кланяется с особенным уважением.)

Л и л о в ы й (потирая руки, обращается к половому, с сладким выражением лица). Здравствуй, Федот, здравствуй, голубчик... Ну что, у вас хороши сегодня расстегаи?

П о л о в о й. Отменные расстегаи...

Л и л о в ы й (взглядывая на Пюсового). Принеси нам один... три, четыре... ну хоть пятачков расстегайчиков.

П ю с о в ы й. Что это ты, Ильюша, что с тобой! Куда это столько! Ты съешь один, ну я один, а остальные-то куда деть! (обращается к половому) Ведь вот видишь ли, любезный, у них (показывая на Лилового) желудок очень слаб и нет никакого характера; мне случалось видеть неприятности, которые он терпел за этот недостаток: сейчас боль под ложечкой или что-нибудь в этом роде. Надобно тебе сказать, что я его очень люблю... я его очень люблю...

П о л о в о й. Так-с.

(Лиловый смотрит на Пюсового пристальным взглядом, в котором выражается благодарность.)

Л и л о в ы й. Да я не для себя, Гаврюша, ей-богу, не для себя, совсем не для себя. Разумеется, я больше одного расстегая не съем, я уж тебе сказал, что не съем; ну а может быть, ты съешь два или три... Это я для тебя, — мне зачем? (обращается к половому). На всякий случай, принеси пять... Ну останется, что ж такое...

П о л о в о й. Слушаю-с.

Л и л о в ы й (к половому). А скажи ты мне, пожалуйста, балыки-то хороши у вас, сочные?

П о л о в о й. Настоящий янтарь-с.

Л и л о в ы й (облизываясь). Гм!.. (смотрит на Пюсового). А ведь они, я думаю, не вредны для желудка?

П ю с о в ы й. Как можно не вредны! Что это ты... страшно вредны!.. Вот толкуй с тобой... Смотри чего требует — балыков! Балык — вещь, конечно, хорошая; да для этого надобно иметь и желудок хороший... То-то и беда моя, что за тобой надо глаза и глаза... За тобой надо ходить как за ребенком; тебя нельзя ни на минуту оставлять. Ты сам свой злейший враг. Представь себя на моем месте: у тебя есть друг, человек с расстроеным желудком; несмотря на это, он ест, ест все жирное, вредное для желудка; положение его делается безвыходно: желудок его с каждым днем все хуже и хуже; помочь ты ему не можешь; он замечает твое страдание, и ему становится еще тяжелее. Он начинает задумываться, потом сходит с ума и кончает самоубийством... И ты должен все это видеть!

Л и л о в ы й. Что за черные мысли, Гаврюша! Я балык велел принести не для себя... Это я для тебя. Почему же не съесть тебе кусочек балычка? Для тебя это ничего, тебе это не вредно. *(К половому)* Принеси нам, голубчик, и балычка немного...

П о л о в о й. Слушаю-с.

(Лиловый подходит к половому и что-то шепчет ему. Половой опять говорит: «слушаю-с» и уходит.)

П ю с о в ы й. Как ты себя ведешь, просто смерть. Измучил ты меня.

Л и л о в ы й. Да отчего же, Ильюша! Ты ко мне нынче что-то уж очень придираешься.

П ю с о в ы й. Во-первых, ты сказал, что съешь один только расстегай, а вот теперь и балыки, и... Вот ты в какие положения ставишь своих приятелей... Во-вторых, шепчешься с половым. Ну о чем ты там шептался с ним?

Л и л о в ы й. Да так, ни о чем...

П ю с о в ы й. Как ни о чем? Знаю я тебя... Уж верно еще что-нибудь заказал...

Л и л о в ы й. Нет, ничего, право; я только одну порцию поросенка велел принести... Может быть, ты съешь кусочек? Я-то есть не стану, я и смотреть-то на него не буду. Пропадай он совсем, поросенок!

П ю с о в ы й. Ну так и есть! Послушай, Ильюша, я готов просить тебя со слезами, выслушай ты меня.

Л и л о в ы й. Говори: я слушаю.

П ю с о в ы й. Да, слушаешь! Конечно! Нет, ты меня не слушаешь; вот в том-то и горе, что ты меня не слушаешь! Пропащий ты человек!.. А вот я уйду... Наедайся ты чего хочешь: и балыков, и поросенка...

Л и л о в ы й. Что это ты, Гаврюша! Полно, перестань! Да мне без тебя и кусок в горло не пойдет; мне без тебя и на кушанье-то смотреть противно; мне и птичьего молока, братец, без тебя не нужно...

П ю с о в ы й *(грустно)*. Зачем я его так люблю? *(в сторону, подходя к рампе)*. Бедный Ильюша! Он мне жалок. Он себя губит и не видит этого. За работу, Гаврила Афанасьевич, за работу!.. Спасайте вашего друга, пока можно.

(Между тем, Лиловый долго и пристально смотрит на обгрызок балыка, на тарелке, которую половой еще не успел убрать, и вдруг схватывает этот обгрызок и съедает.)

Что это? что такое? Никак он съел кусок балыка! И так нагло! при мне! Это ужасно!.. Нет, это ни на что похоже! С этим человеком нельзя иметь никакого дела. *(К Лиловому.)* Что это ты сделал, скажи, ради бога?

Л и л о в ы й. Ах, Гаврюша, не говори этого! Как вкусно!

П ю с о в ы й. Вкусно? ха, ха, ха! Вкусно! Человек стоит на краю бездны и говорит, что вкусно!

Л и л о в ы й. Гаврюша, не говори этого.

П ю с о в ы й. Не говори этого? А ты забыл, что я тебе сейчас сказал! Ты забыл, какая ожидает тебя перспектива?

Л и л о в ы й. Я только откусил чуть-чуть, ей-богу, а остальное бросил под стол. Стану ли я есть чужие обгрызки? Вот посмотри.

П ю с о в ы й. Да что ты мне рассказываешь! я видел своими глазами, что ты взял в рот этот обгрызок...

Л и л о в ы й. Нет, Гаврюша, сделай милость, не говори ты этого. Ты меня этим обижаешь. Посмотри, посмотри!..

П ю с о в ы й. Не хочу я смотреть! не стоит смотреть!

Л и л о в ы й. Послушай, ты не можешь так говорить, ты меня обижаешь.

П ю с о в ы й. А ты думаешь, мне легко смотреть на твое отвратительное поведение. Ты мне вот где сел!.. Ах что-то мне пить захотелось... Чего бы спросить такого? Разве кружечку лампоно? *(Уходит)*.

(В это время половой приносит шесть расстегаев и две порции балыка и ставит на стол.)

Л и л о в ы й (быстро). А поросенка-то? Где же поросенок?

П о л о в о й. Сейчас-с, всего вдруг не захватить. (Уходит.)

(Лиловый с жадностью бросается на расстегаи, робко, однако же, осматриваясь кругом, и мгновенно съедает два расстегаи и одну порцию балыка. Пюсовый возвращается. Лиловый, не успев дожевать балыка, проглатывает его с усилием и кашляет.)

П ю с о в ы й. Что это, брат? кажется, ты уж хватил чего-то?

Л и л о в ы й. Нет, Гаврюша, ничего, я и не нюхал даже (кашляет). Помилуй; как можно (кашляет). Вот это даже обидно... ты уж сейчас и подозреваешь, ты ко мне никакой доверенности не имеешь...

П ю с о в ы й. Да отчего же ты так закашлялся-то? как будто подавился чем...

Л и л о в ы й. Нет, это так, просто кашель. Я сегодня сидел у себя, да форточка была открыта... может быть, надуло, простудился немножко.

П ю с о в ы й. Ой, что-то не так! Мне, братец, все равно, я ведь это для тебя, пойми ты, что для тебя. И кашель-то твой подозрительный. Это, братец, желудочный кашель. Вот видишь ли ты, как у тебя желудок-то расстроен! Уж полно, есть ли тебе расстегаи-то?

Л и л о в ы й. Один-то, помилуй, отчего же!

П ю с о в ы й. Ну, бог с тобой, один-то уж куда ни шло!

(Лиловый берет к себе на тарелку расстегаи, обливает его бульоном и ест.)

Л и л о в ы й. Что ж ты-то не кушаешь?

П ю с о в ы й. А водки-то шут и не принес. Надо велеть принести водки. (Уходит.)

(Половой в отсутствие его приносит две порции поросенка на разных тарелках. Лиловый с замечательною быстротою съедает порцию поросенка, озираясь по-прежнему и вздрагивая при малейшем шелесте или скрипе дверей, и отставляет тарелку на другой стол.)

П ю с о в ы й (входит). Хватил рюмочку горькой. Славная водка (кряхтит). Ну, теперь можно и закусить. (Принимается за балык.) Фу!! какой балык в самом деле! Так и тает во рту... Ведь можно, братец, съесть и балыка, да все это с умеренностью, немного, чтобы не отяготить желудка... Эй, половой!

П о л о в о й. Что прикажете?

П ю с о в ы й. Принеси-ка, братец, еще балыка (к Лиловому). Я тебе дам отведать маленький кусочек, чуть-чуть, это не вредно; ты, знаешь, пососи только.

Л и л о в ы й. Хорошо, хорошо, я только пососу.

П ю с о в ы й (съедая три оставшиеся расстегаи). Недурны и расстегаи! Вот это, знаешь, как кому. Мне, например, расстегаи совсем не вредны. Мой желудок отлично переваривает расстегаи. Это даже поверить трудно, как они благотворительно даже, можно сказать, действуют на меня...

Л и л о в ы й. Ведь и мне-то они не вредны совсем, и на меня-то они имеют такое же действие... вот, например, карась со сметаной, ну это другое дело: карась точно вредная вещь, да я и ни за какие тысячи не стану есть карася, хоть озолоти меня! а расстегаи — почему же не съесть... Гаврюша! как ты думаешь, можно мне съесть еще один расстегайчик, — только один?

П ю с о в ы й (махая рукой). Так и быть. Не следовало бы, ну да уж... Боже мой, как я непростительно слаб к тебе, непростительно... Вот хоть по-настоящему ты и глупость делаешь, вот хоть ты хочешь и другой расстегайчик съесть, а я сам не знаю отчего, я тебя, кажется, еще даже больше люблю, что прежде, гораздо больше... Ну, поцалуемся. (Целуются.) Эй, половой!.. принеси-ка еще расстегаев...

(Лиловый и Пюсовый оба страшно наедаются и уходят. Деньги по счету платит Лиловый.)

Половой (проводя их глазами). Какие смешные господа! Вишь толкуют... того, говорит, нельзя, то, говорят, вредно, а накушались так, хоть бы и нашему брату мужику, так и то в пору. Десять расстегаев одних, кроме балыка и поросенка. Забавники, ей-богу, забавники!

Не правда ли, сколько художественности в моих «Расстегаях», сколько в них искренности и натуры? Боже мой, сколько искренности! что перед этим драматическим и психологическим этюдом драматические сцены господина Гоголя? Я не знаю, как вы, мои читатели и критики, а я нахожу, что я уже шагнул далее автора «Мертвых душ». Если мой талант и не так художествен, как талант г. Гоголя, то он несравненно искреннее, а искренность в своем роде стоит художественности.

Кстати о художественности и искренности. Перейдем к 8 № «Москвитянина». С тех пор как я постиг, что такое художественность и искренность, моим любимым чтением сделался «Москвитянин»; я даже еду в Москву нарочно для того, чтобы окончательно проникнуться идеею художественности и искренности... Так вот в 8 № «Москвитянина» фаворит мой Эраст Благодравов жалуетса в письме к редактору «Москвитянина», что в его остроумной статейке много опечаток, что эта статейка доставила ему очень много врагов... Какое заблуждение!.. По крайней мере, в Петербурге всем читающим «Москвитянин» она понравилась: я ее рекомендовал в особенности моим литературным друзьям; она возбудила большой и самый приятный, самый добродушный смех и не доставила ни одного врага ее остроумному автору.

Враги — это *idée fixe*³ г. Эраста Благодравова. Он говорит: «не будь этих опечаток, им (моим врагам) не чем бы было в меня бросать».

И знаете ли, отчего опечатки в статейке г. Благодравова? Он сам виноват в этом. Он, по его собственному признанию, не держал второй корректуры... Он шел в типографию, да на дороге влюбился и воротился домой... Вот что значит быть мечтателем и идеалистом!

Как человек, уверенный в том, что его личность должна непременно интересовать читателей «Москвитянина», г. Эраст Благодравов сообщает им между прочим, что он искренний друг Горация (это, впрочем, не совсем остроумно) и что он ни в карты, ни в бильярд не играет, а предпочитает в свободное время писать стихи, *хоть и плохие*, даже считает полезнее *мечтать*, чем играть в *помянутые игры*. Напрасно! Играть в бильярд, по крайней мере, полезно для здоровья, а препровождать время в праздных мечтах или заниматься сочинением плохих стихов — это и в гигиеническом отношении, я думаю, не совсем полезно. Вслед за письмом г. Эраста Благодравова напечатано другое послание, от неизвестного, также к редактору «Москвитянина», следующего содержания:

М. Г.! Узнал я от Михаила Васильевича (кто это Михаил Васильевич?), что у вас в «Москвитяине» напечатана статья под названием: «Сон по случаю одной комедии». Я прочел эту статью, и мне сейчас же пришло в голову, что верно все подумают, что эту статью написал я. И действительно: все теперь думают, что эту статью написал я. Но ей-богу, эту статью не я написал, а написал ее, должно быть, кто-нибудь другой, который мне даже совсем и не родня.

Сделайте милость, возьмите на себя труд объявить всем, что эту статью написал не я. Кто бы у вас ни спросил о том, кто написал эту статью, — говорите, что не я — так-таки и скажите: это, мол, не он — это другой.

До свиданья. Остаюсь готовый к вашим услугам.

³ Навязчивая идея (франц.).

Что же это такое? Неужели и это остроумие? Нет, это просто ни на что не похоже, право, ни на что не похоже, так-таки просто ни на что не похоже! Кто бы у меня ни спросил об этом письме, я так-таки и скажу: это, мол, ни на что не похоже...

Замечательны в 8 № «Москвитянина» еще следующие слова, по поводу того же «Сна». Они принадлежат г. Погодину:

По нескольким примерам, которые попались мне на глаза при просмотривании «Сна», я заключил, что вся статья *составлена из отдельных черт, принадлежащих разным лицам и возведенным в такую степень гиперболы, которая никого уже оскорбить не может, а между тем статья забавна, и я отдал ее в типографию, «ничто же сумняся», и проч.*

И прекрасно сделали, что отдали эту статейку в типографию. «Москвитянин» до сих пор имел характер слишком серьезный, несмотря на то, что в его афористической учености было много забавного; недоставало только остроумия, возведенного в такую степень гиперболы, которая никого уже оскорбить не может...

В ком же могла возбудить неудовольствие эта невинная шутка, возведенная в такую степень гиперболы, если она не возбудила неудовольствия даже в самой редакции, которая, по собственному сознанию, узнала в ней *некоторые свои черты*? Все это решить трудно.

И. И. Панаев

Заметки Нового Поэта о русской журналистике. Май 1851.

«Расстегаи». (Драматический и психологический этюд)

Впервые: С. 1851. № 6. Отд. VI. С. 140–153. Без подписи. Цензурное разрешение — 03.06.1851.

Цензор А. Л. Крылов.

Переизд.: Сын Отечества. 1851. № 5. Май. С. 1–12. Приложение.

Фельетоны Нового Поэта И. И. Панаева стали регулярно печататься в «Современнике» с № 5 1851 г. взамен «Писем Иногородного Подписчика» А. В. Дружинина, на время покинувшего журнал. Как и фельетоны последнего, письма Нового Поэта выражали

литературно-эстетическую позицию редакции, хотя в еще более беллетризованной и фельетонной форме, которая часто служила полемическим задачам (подробнее о Панаеве-критике см.: *Шайкова Е. В. И. И. Панаев-критик. Великий Новгород, 2008. С. 93–147*). Именно в фельетонах Нового Поэта, в отличие от «Писем» более независимого от редакции журнала Дружинина, и была сосредоточена основная полемика «Современника» с «Отечественными записками» и «Москвитянином». Комментируемый фельетон открывает серию специальных выступлений Панаева против эстетической теории «молодой редакции» «Москвитянина». Первые же фразы публикуемого отрывка о художественности и искренности отсылают к начавшейся весной 1851 г. полемике вокруг драматических этюдов Островского и выдвинутой в связи с ними концепции «молодой редакции» (см. коммент. к статье Эдельсона и Островского за 1851 г. в наст. изд.). Впервые Панаев выступил против эстетических построений «молодой редакции» в «Заметках Нового Поэта» за апрель 1851 г. (С. 1851. № 5. Отд. VI. С. 51–55), где с иронией отозвался о разделении редакции журнала на «старую» и «молодую». Особое недоумение вызвала у фельетониста якобы новая теория художественности (с. 52). Подробнее о длительной полемике Панаева-Нового Поэта с «Москвитянином» см.: *Карева А. Ю. И. И. Панаев как литератор. Дис. ... к.ф.н. М., 2009. С. 84–103*.

Этюд Панаева «Расстегая» стал вторым выпадом Панаева против литературной позиции «молодой редакции», облеченным в форму пародии на «драматический этюд» А. Н. Островского «Неожиданный случай», напечатанный в сборнике «Комета». Объектом пародирования у Панаева является ничтожность содержания этюда, большое количество повторов и сентиментальный тон общения между героями. В панаевском Лиловом легко угадывается помещик Розовый из сцены Островского, а в Пюсовом — Дружнин. Пародия Панаева распространяется лишь на отношения между Розовым и Дружниным; сюжетная линия со сватовством Розового к Софье Антоновне осталась вне поля зрения пародиста. Таким образом, пародируются особенности пьес Островского, высмеянные в рецензии «Современника» на «Комету» (см. наст. изд.).

«Москвитянин» откликнулся на пародию Панаева статьей Григорьева «“Современник” № № 6 и 7» — принципиальным и развернутым выступлением, где была выражена эстетическая программа критика. Не признавая издательской, с его точки зрения, манеры Панаева, Григорьев отстаивал верность москвитянинской трактовки «художественности» и «искренности», апеллируя к неизменным критериям эстетики: «Чем, как не законами искусства, должна руководствоваться критика произведений, принадлежащих к области искусства? С какой точки зрения смотреть на произведения литературные, как не литературной» (1851. № 15. С. 339). Отказываясь признавать «смерть» художественной критики, о которой возвестили «Современник» и «Отечественные записки», Григорьев писал: «Историческая критика, которая рассматривает произведение в связи с личностью автора и с жизнью эпохи, есть высший вид художественной критики: Гервинус, Гилдебранд, Фильмар и другие знаменитые представители ее в оценке произведений по связи их с личностью автора и с духом эпохи не опускают из виду и чисто-художественной точки зрения» (Там же. С. 339). Исходя из этого тезиса, Григорьев отказывал критике Панаева в звании «исторической» и вообще какой бы то ни было критики.

На критику и пародирование этюда Островского «Неожиданный случай» Григорьев ответил так: «Мы, одним словом, смотрели на этюд безотносительно, тогда как критика “Современника” взглянула на него под тем углом зрения, что г. Островский должен непременно писать комедии из купеческого быта, и до другого чего-нибудь не имеет права касаться» (Там же. С. 340).

С. 138. *Я каюсь и беру назад опрометчивые слова ~ Искренность таланта!* — В фельетоне Нового Поэта в № 5 «Современника» Панаев утверждал, что считает «Москвитянина» «самым оригинальным из русских журналов», и хвалил москвитянинский принцип «истина превыше всего» (С. 1851. № 5. Отд. VI. С. 51). Однако там же Панаев впервые возмутился претенциозностью «молодой редакции», возмнившей себя основательницей новой теории художественности (с. 52).

С. 138. *...стихотворения г. Шевырева некогда Авеля имя в устах шевелил.* — Неточная цитата из стихотворения С. П. Шевырева «Каин» (1825): «И Авеля имя в устах шевелит».

С. 138. *...у Дюссо, в Летнем саду...* — Знаменитый и многократно описанный в литературе ресторан Дюссо в Петербурге (Б. Морская ул., 11) был открыт в конце 1830-х гг. ресторатором Леграном, в 1850-х гг. его владельцем стал Дюссо.

С. 138. *...на Минеральных водах у г. Излера...* — Об Излере и его Минеральных водах см. коммент. к фельетону Дружинина (наст. изд., с. 613).

С. 138. *...братья Мальчугины, из коих одна сестра...* — Популярны народные певцы 1850-х гг., выступавшие в петербургских воксалах.

С. 138. *...декламирует малороссийские песни г. Карпенко...* — Степан Данилович Карпенко (1814/15–1886), украинский поэт, писатель и драматург, автор и исполнитель малороссийских песен,

собр. в изд.: Либретто малороссийских, польских, чешских, молдаванских, болгарских, сербских и червонорусских песен и романсов репертуара малороссийского певца С. Д. Паливода-Карпенко. Отд. I. СПб., 1858.

С. 138. *Нет! я решился творить теперь художественные произведения ~ Вот какие произведения я хочу творить!* — В этом длинном пассаже пародируется наукообразный и иногда туманный язык и терминология статей Эдельсона и Григорьева. Предложение, содержащее выделенные курсивом фрагменты — цитата из рецензии Островского на повесть Писемского «Тюфяк» (ср. отсылку к тем же выражениям в рецензии на сборник «Комета» — наст. изд., с. 120).

С. 138. *...до понимания которых, к сожалению, не достиг критик «Современника»...* — Шутливый намек на отрицательную редакционную рецензию «Современника» на сборник «Комета» (см. ее в наст. изд.).

С. 139. *...для Шекспирова Валентина была Сильвия.* — Отсылка к комедии Шекспира «Два веронца», герои которой связаны идеальной любовью.

С. 141. *Читал ли ты стихотворения Щербины? ~ Он почти в каждом своем стихотворении выражает эту гордость ...* — Устами пародийных героев Панаев высмеивает тему человеческого величия, характерную для стихотворений Николая Федоровича Щербины (1821–1869) конца 1840-х гг. Имеется в виду прежде всего его «Песня Прометея» (1848): «Говорят: широко мирозданье, / Человек же ничтожен и мал, — / Но гордись человека названием, / Ты, кто мыслил, любил и страдал...»; а также «Как высоко твое, о человек, призвание — / От лика Божия на землю павший свет! (1847) и др.

С. 141. *...завтракать в Троицкий трактир.* — Популярный трактир на ул. Ильинка в Москве.

С. 143. *...кружечку лимпоно?* — Шуточн. переимен. 'пополам'; напиток из холодного пива, с лимоном и ржаными сушками.

С. 145. *...драматические сцены господина Гоголя?* — «Утро делового человека» и «Лакейская». См. о них коммент. к статье «Современника» о «Комете» в наст. изд., с. 617. Наименование Гоголя «господином», видимо, отсылает к обыгрыванию той же темы в «Сне...» Алмазова (см. наст. изд., с. 126).

С. 145. В 8 № «Москвитянина» фаворит мой Эраст Благодрагов ~ статейка доставила ему очень много врагов... — Имеется в виду «Письмо Эраста Благодрагова к редактору "Москвитянина"» (М. 1851. № 8). См. наст. изд., с. 603–605.

С. 145. *Вслед за письмом г. Эраста Благодрагова напечатано другое послание, от неизвестного, также к редактору «Москвитянина»...* — Речь идет о «Письме от неизвестного» (М. 1851. № 8. С. 395), которое было частью литературной игры Алмазова вокруг образа Эраста Благодрагова (неизвестный никому читатель-аноним открещивается от авторства «Сна по случаю одной комедии»).

С. 146. *Замечательны в 8 № «Москвитянина» еще следующие слова ~ Они принадлежат г. Погодину...* — В отделе «Московские известия» (М. 1851. № 8. С. 387–388) в специальной заметке Погодин оговаривал, что не видит во «Сне по случаю одной комедии» Алмазова обидных намеков на личности, но лишь обобщенные, собирательные образы-типы (см. о нем в коммент. к «Сну» в наст. изд., с. 620).